

«ДВА СТОЛБА С ПЕРЕКЛАДИНОЙ»:
МЕМУАРНАЯ НОВЕЛЛА ВЕРЫ ИНБЕР
О ГАДАНИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

ИННА БАШКИРОВА, РОМАН ВОЙТЕХОВИЧ

В настоящей заметке мы попытаемся реконструировать фактическую основу мемуарного рассказа Веры Инбер о том, как еще до эмиграции Марина Цветаева гадала по книге стихов и нагадала себе смерть на лобном месте. Рассказ активнее распространялся устно, чем письменно, и приобрел черты фольклорного текста, в котором трудно отделить правду от вымысла. Впрочем, вымысел тоже представляет интерес в той мере, в какой он являет собой не «порчу фактов», а создание биографического мифа, творчески плодотворного и выражающего те или иные идеологические тенденции.

Что же касается фактов, то мы надеемся, что с их учетом получат дополнительное освещение некоторые вопросы, специально в данной работе не рассматривающиеся: 1) тема гадания в творчестве Цветаевой (входит в более обширную тему 'прорицания', с оккультными, цыганскими, фольклорными и литературными ответвлениями); 2) почти не исследованное участие Цветаевой в московском литературном быте; 3) контакты Марины Цветаевой и Веры Инбер, прежде не привлекавшие внимания исследователей.

К настоящему моменту нам известно четыре варианта интересующей нас истории, показывающие, что Инбер варьировала свой рассказ. Где, когда, по какой книге производилось гадание, с каким конкретным результатом, — неясно из-за пропусков и разночтений, которые нельзя объяснить только ошибками мемуаристов, видимо, Инбер сама «путалась в показаниях». Все известные нам фиксации рассказа были сделаны после смерти героини, хотя он имел хождение и при ее жизни. В 1941 г. сюжет наполнился новым смыслом. Первоначально

он как будто «предупреждал» о возможном преследовании со стороны государства. Теперь «выяснилось», что Цветаева была «обречена» (видимо, роковой эпохой) на самоубийство.

Наибольшую роль в популяризации этой истории сыграла книга М. И. Белкиной «Скрещение судеб» (1988), хотя ее рассказ отстоит от первоисточника дальше всех. Из пяти вариантов фиксации этого сюжета исходно больше всего доверия вызывает запись самой Инбер, но она неполна, содержит неясности относительно места и времени события, наконец, противоречит записям, сделанным с ее же слов другими мемуаристами.

1. Запись Веры Инбер. Эта версия представляет собой фрагмент из мемуарного эссе Инбер «И. Г. Эренбург» (1971), написанного за год до смерти:

Весной 1918 года А. Н. Толстой и Наташа Крандиевская ввели меня в существовавшие тогда литературные салоны Цейтлина-Амори и Кара-Мурзы. Там я впервые увидела Марину Цветаеву, Маяковского, Рахманинова, Прокофьева, игравшего свои «Мимолетности». Бывали там и Эренбург, Пастернак и забытый теперь всеми Василий Каменский. Между прочим, на этих вечерах не только читали и музицировали, но и испытывали свое будущее, гадая по Лермонтову. Марине Ивановне по «Песне о купце Калашникове» досталась «плаха» [Инбер: 378].

В «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» слово «плаха» встречается дважды. Царь спрашивает купца, намеренно или нечаянно убил он Кирибеевича, и Калашников отвечает:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольною волей,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную... [Лермонтов: 409].

В конце:

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила [Там же: 410].

Датировка события у Инбер (весна 1918 г.) вызывает сомнения. Вторники у С. Г. Кара-Мурзы, как считается, проходили до конца 1917 г. (или до конца зимы 1917–1918 гг.), а у Цетлиных Инбер выступала уже 25 или 26 января 1918 г.¹ Это было знаменитое собрание, на котором выступала «вся Москва», в том числе и М. Цветаева. Оно довольно подробно освещалось, и очевидно, что эпизод с гаданием не имеет к нему отношения. М. О. Цетлин (Амари) был поэтом и, что немало важно, издателем. Это придавало собраниям у Цетлиных довольно серьезный, профессиональный характер.

Непринужденнее была обстановка в доме С. Г. Кара-Мурзы, адвоката, коллекционера, театрала, библиофила, журналиста и основателя литературно-философского издательства «Дилетант». Как подчеркивает А. Н. Варламов, «Толстой считался здесь классиком» [Варламов: 183]. Мы помним, что Инбер называла именно Толстого и Крандиевскую своими проводниками в литературном мире. Варламов пишет, что у Кара-Мурзы «собиралась преимущественно литературная молодежь — Инбер, Эренбург, Лидин, Ходасевич, Соболев, Осоргин» [Варламов: 183]. Там же бывали Цветаева, Бенуа и Волошин. Собрания часто носили игровой и домашний характер. Похоже, литературные гадания происходили именно здесь. Но когда, зимой или весной, как пишет Инбер?

Возможно, в памяти мемуаристов произошло наложение двух сезонов из-за того, что весна в 1918 г. наступила на полмесяца раньше, чем обычно: при переходе на новый стиль после 31 января сразу наступило 14 февраля. Однако некоторые россияне продолжали пользоваться старым календарем. Возможно, весна отпечаталась в сознании Инбер еще и потому, что весной 1918 г. вышли статьи Эренбурга «Четыре» и «На тонущем корабле», в которых Цветаева соседствует с нею:

¹ Дата устанавливается по примечанию к стихотворению Ходасевича «Эпизод», написанному «целиком» 25 января и прочитанному «на вечере у Цетлиных» [Ходасевич: 507–508], а также по сообщению о вечере в газете «Мысль» от 28 января 1918 г. [Катанян: 138].

в Цветаевой Эренбург подчеркивал оптимизм, в Инбер — притворную минорность [Эренбург: 171–172, 188–189]. Эренбург сыграл важную роль в жизни обеих, в частности, «взял на себя заботу» о первой книге Инбер «Печальное вино» [Инбер: 377].

2. Запись Б. М. Сарнова со слов Инбер². Этот вариант отличается обилием подробностей и одновременно заметными расхождениями с авторской версией. Он входит в книгу «непридуманных» литературных историй и наделен заголовком:

Два столба с перекладиной

Рассказывала Вера Михайловна Инбер.

В молодой веселой компании, встречавшей Новый, 1917 год, они стали забавляться гаданием. Гадать решили по Пушкину, благо оказалось в том доме замечательное его издание <...>. Суть гадания состояла в том, что каждый называл — наугад — страницу и строку. (Или пару строк.) <...> Раскрывали однотомник на указанной странице, находили указанные строки, читали.

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

В ответ раздавался громогласный хохот, поскольку юная красотка, которой выпали эти строки, супружеской верностью, как это было хорошо известно всей компании, как раз не отличалась. <...> Особенно бурное веселье вызвали доставшиеся кому-то строки:

Ох, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново.

Но вот очередь угадывать свою судьбу дошла до Цветаевой.

Она так же произвольно — беспечно, наугад — назвала страницу, строку. И ей выпало:

... два столба с перекладиной [Сарнов: 75–76].

Столь подробное описание гадания, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что запись сделана со слов первоисточника, но вместо Лермонтова назван Пушкин, вместо «плахи» — «два столба с перекладиной», вместо весны — Новый

² На этот источник нам указал В. И. Масловский.

год, что заведомо невозможно: Инбер появилась в Москве только в конце 1917 г., а новый 1918 г. встречала в Одессе (Цветаева 31 декабря 1917 г. написала стихотворение «Новый год я встретила одна...»).

Однако канун 1917 г. выглядит очень символично: наступают и новый год, и новая эпоха, которая и «убьет» Цветаеву. Не для того ли введены и «два столба с перекладиной»? Не ради ли образа виселицы Лермонтов заменен на Пушкина? В «Капитанской дочке» пугачевцы поют «бурлацкую песню»:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал, <...>
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной [Пушкин: 314].

Получается слишком много выдумок. Неужели ради финальной формулы подобраны все остальные пушкинские цитаты? И почему, если Сарнов работал с Пушкиным, сверял цитаты, он не привел ключевую формулу более точно или более полно? В добросовестности мемуариста нас убеждает сравнение со следующим вариантом.

3. Запись А. С. Эфрон по пересказу ее подруги Л. Г. Бать.
Запись сделана в 1955 г., но отражает разговор конца 30-х гг.:

Прошлое свершается не тогда, когда оно «произошло» (прошло), — а когда его осмыслишь... Когда-то Лида Бать вспомнила один рассказ Веры Инбер про маму: в первые годы революции они где-то вместе встречали Новый год, — гадали по Лермонтову. Маме вышло — «а мне два столба с перекладиной». Потом вместе возвращались. Темными снежными улицами, разговаривали, смеялись. Мама вдруг замолкла, задумалась и повторила вслух: «а мне два столба с перекладиной...» [Эфрон: 158].

Здесь часть деталей совпадает с версией Инбер (Лермонтов), часть — с версией, пересказанной Сарновым (Новый год, «два столба с перекладиной»). Отметим, что ключевую фразу Бать также передает не вполне точно, причем дополняет ее до строки 3-стопного амфибрахия: «А мне два столба с перекладиной». Все это говорит в пользу того, что соответствующая формула «обкатывалась», передаваясь из уст в уста, а не цитировалась по письменному источнику. Кроме того, у Бать история имеет эпилог с выразительным повтором все той же фразы, и трудно предположить, что Бать или Эфрон присочинили этот финал. Но у Лермонтова такой фразы нет, хотя в «Песне о купце Калашникове» встречается похожее место. Ср. наблюдение исследователя:

Заключительное обращение царя к Калашникову явно навеяно широко распространенной разбойничьей песней, <...> «Не шуми, мати зеленая дубровушка», — где царь хвалит молодца за то, что он «умел воровать, умел ответ держать», и жалуется «среди поля хоромами высокими — что двумя ли столбами с перекладиной» <...> она была так распространена, что песенники ссылались на ее «голос» для указания на какой мотив петь другие песни [Мендельсон: 189–190].

Возможно, сюжет про грозного царя устойчиво ассоциировался у Инбер с «Песней о купце Калашникове», поэтому Пушкин в некоторых версиях рассказа трансформировался в Лермонтова.

В варианте Бать-Эфрон нет четкой приуроченности к конкретному году, но есть указание на Новый год. Вероятнее всего, в сознании слушателей слились два соседствующих в памяти Инбер события: ее знакомство с московскими салонами и встреча 1918 г. В мемуарах об Эренбурге последнее событие упоминается сразу после эпизода с гаданием:

В 1918 году, в Одессе, Эренбург промелькнул передо мной в своей шапке, напоминавшей не то перевернутое воронье гнездо, не то сугроб. Я пригласила его на встречу Нового года, описанную мной в «Месте под солнцем». На этой же встрече присутствовали А. Н. Толстой и Наталья Крандиевская [Инбер: 378].

Возможно, Сарнов внимательнее отнесся к подробностям этой истории именно потому, что собирал сведенья о герое своей будущей книги «Случай Эренбурга».

4. Запись Е. Я. Тараховской. Это наименее полная и наименее достоверная версия события, хотя результат гадания в ней совпадает с инберовским:

Однажды она [Цветаева], Вера Инбер и моя сестра Софья Парнок гадали о своей судьбе, наугад отыскивая строчку стихов. На долю Марины выпало слово «плаха». Как страшно сбылось это предсказание и как мало легкомыслия было в этой трагической судьбе [Воспоминания: 67].

Очевидно, что Тараховская пересказывает эпизод со слов сестры, говорившей ей про Инбер. Однако мемуаристка даже не поняла, кто был автором истории. С. Я. Парнок не могла присутствовать при гадании, поскольку с 1917 по 1921 г. безвыездно жила в Судаче [Волошин: 770]. Предположительно, эту историю она услышала от Инбер в 1922 г. в «Московском цехе поэтов» А. А. Антоновской [Романова: 148–149].

Повторение варианта с «плахой» как будто придает больше веса «лермонтовской» версии, но принять этот довод мешает следующее соображение: гадающему не могло выпасть одно слово. Скорее всего, «плаха» — не слово, содержащееся в предсказании, а образ, заключенный в нем. Сама история изложена у Тараховской в общем ходе повествования, кратко, как и в мемуарах Инбер. Возможно, требование краткости и мотивировало замену цитаты ключевым образом. Комментарий Тараховской освобождает читателя от долгих размышлений над событием. Иначе поступает Мария Белкина.

5. Вариант М. И. Белкиной. Изложение этой легенды в «Скрещении судеб» приобрело наибольшую известность, благодаря популярности биографическо-мемуарного исследования М. И. Белкиной, а также благодаря положению новеллы в структуре произведения и соотношению с заглавием: история вынесена в эпиграф первой части и служит прологом ко всему повествованию.

В тетради Ариадны Эфрон есть коротенькая запись:

«Как-то раз Лида Бать вспомнила один рассказ Веры Инбер про маму: в первые годы революции они где-то вместе встречали Новый год, — гадали по Лермонтову. Маме вышло — “а мне два столба с перекладиной”. Потом вместе возвращались. Темными снежными улицами, разговаривали, смеялись. Мама вдруг замолкла, задумалась и повторила вслух: “а мне два столба с перекладиной...”» [Белкина: 12].

Белкина выпустила вводную фразу А. С. Эфрон и (вероятно, бессознательно) заменила вводное обстоятельство «когда-то» на «как-то раз». В результате мысль о том, как изменилось отношение к этой истории после августа 1941 г., пропала и на первый план выдвинулась ее «вневременная» сущность. Получилось, что Л. Бать «вспомнила» и осознала историю В. Инбер уже после «осуществления» предсказания. Из-за того, что названо много промежуточных инстанций, рассказ звучит как легенда, стилистически его возвышая.

В книге Белкиной три части по числу главных героев: «Марина Ивановна», «Мур» и «Алины университет». Трагическое единство этих «скрещенных» судеб — наиболее явная интерпретация заглавия. Разумеется, главная трагедия — трагедия матери. Первая часть открывается тройным эпитафием: две строфы из Ходасевича, первый стих латинского *Requiem*'а и — после заглавия — новелла-притча, приведенная выше. Геометрия виселицы («два столба с перекладиной») иконически передает образ скрещения, причем именно трех элементов.

Но это только первый план, судьбы семьи Марины Цветаевой пересекаются со многими другими судьбами. Важнейший персонаж книги — Борис Пастернак. Он связан и с Цветаевой, главной героиней первой части, и с Ариадной Эфрон, главной героиней третьей части, и с мужем Марии Белкиной — критиком Анатолием Тарасенковым, вынужденным предавать своего кумира и друга. Сама формула «скрещение судеб», скорее всего, — парафраз словосочетания «судьбы скрещенья» из стихотворения Пастернака «Зимняя ночь».

В этом контексте Лермонтов, невольно (как мы полагаем) заменивший Пушкина, оказывается в художественном смысле

«оправданной» заменой. Несмотря на то, что Цветаева к Лермонтову относилась без особой любви³, для внешнего наблюдателя Лермонтов оказывается подходящей мерой трагизма и романтизма, которым отдали дань и Цветаева, и Пастернак. Последний тесно связан с Кавказом и посвятил Лермонтову свой «главный» сборник — «Сестра моя жизнь» (за посвящением следует стихотворение «Памяти Демона»). Под влиянием этого сборника, как известно, Цветаева посвятила Пастернаку поэму «Молодец» на схожий с «Демоном» сюжет. В интерпретации Белкиной (созданной с опорой на предшественников) судьба Цветаевой определилась уже в первые годы революции, так что и гибель ее была «предначертана».

Однако нас не может не интересовать собственное отношение Цветаевой к этому гаданию.

Реконструкция интерпретации Цветаевой. Начнем с обобщения фактов. Вероятнее всего, уже после наступления нового 1918 г. в доме С. Г. Кара-Мурзы большая компания развлекалась предсказаниями по однотомнику Пушкина, и Цветаевой выпал отрывок песни из «Капитанской дочки»:

Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Цветаева припомнила последний стих по дороге домой, на что и обратила внимание Вера Инбер, для которой эта строка ассоциировалась с Лермонтовым, что вносило путаницу в ее позднейшие показания. Цветаева «Капитанскую дочку» хорошо знала, о чем свидетельствует и ее позднее эссе «Пушкин и Пугачев». Ее, вероятно, взволновал выпавший жребий, который сулил, судя по контексту, героическую гибель или чудесное избавление, как в случае с Гриневым, который слушает в романе процитированную песню, избегнув виселицы. Возможно, мысль о смерти на плахе вместе с пушкинским кон-

³ Но как раз перед смертью она переводила лирику Лермонтова на французский.

текстом подтолкнули Цветаеву к написанию диптиха «Андрей Шень»:

Андрей Шень взошел на эшафот,
А я живу — и это страшный грех.
Есть времена — железные — для всех.
И не певец, кто в порохе — поет.
И не отец, кто с сына у ворот
Дрожа срывает воинский доспех.
Есть времена, где солнце — смертный грех.
Не человек — кто в наши дни живет.

2

Не узнаю в темноте
Руки — свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная Консьержерия.
Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею.
Утро крадется как тать.
Я дописать не успею.

17 апреля 1918 [Цветаева: I, 393–394].

Не исключено, что именно «предначертанность» такой смерти дополнительно побуждала ее к безрассудным поступкам. Она не только пишет стихи, воспевающие подвиг белогвардейцев (из них составлен позднее «Лебединый стан»), но и читает эти стихи красноармейцам, выступает с чтением пьесы «Фортуна», герой которой, как и Шень, погибает на плахе в годы революционного террора, мечтает о подвиге Жанны д'Арк, называет себя: «Душа — навстречу палачу» [Там же: II, 19].

Предсказание не сбылось. Цветаева сама распорядилась своей жизнью и уже в другую эпоху. Однако миф обладает большой обобщающей силой, стирающей разницу между казнью и самоубийством. Опровергая своим поступком предсказание, Цветаева одновременно внесла завершающий элемент в конструкцию легенды.

ЛИТЕРАТУРА

- Белкина: *Белкина М. И.* Скрещение судеб. М., 2008.
- Варламов: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. М., 2006.
- Волошин: *Волошин М. А.* Лики творчества. Л., 1989.
- Воспоминания: Марина Цветаева в воспоминаниях современников: В 3 т. М., 2002. Т. 1.
- Инбер: *Инбер В. М.* Страницы дней перебирая...: Из дневников и записных книжек. М., 1977.
- Катанян: *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.
- Лермонтов: *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. стихотв.: В 2 т. Л., 1989. Т. 2.
- Мендельсон: *Мендельсон Н. М.* Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг., 1914. С. 165–195.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 6.
- Романова: *Романова Е. А.* Опыт творческой биографии Софии Парнок. «Мне одной предназначенный путь...». СПб., 2005.
- Сарнов: *Сарнов Б. М.* Перестаньте удивляться!: Непридуманная история. М., 1998.
- Ходасевич: *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1.
- Цветаева: *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994–1995.
- Эренбург: *Эренбург И. Г.* Портреты русских поэтов. СПб., 2002.
- Эфрон: *Эфрон А. С.* Мироедиха. Рассказы. Письма. Очерки; *Федерольф А.* Рядом с Алей. Воспоминания. М., 1996.